

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Е.А. Тахо-Годи

РОССИЯ И ЕВРОПА: ЮЛИЙ АЙХЕНВАЛЬД ОБ ИСТОРИОСОФИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО*

Тахо-Годи Елена Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1-й уч. корп.; ведущий научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX – начала XX в. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

В статье рассматривается восприятие творчества Ф.М. Достоевского Юлием Айхенвальдом (1872–1928), философом и известным литературным критиком первой четверти XX века. Показано, что отношение Ю.И. Айхенвальда к Достоевскому претерпело определенную эволюцию – от неприятия писателя, требований его «преодолеть», до его признания одним из «духовных вождей» мыслящей России наравне с Пушкиным и Львом Толстым. Однако такое признание не исключало полемики критика с Достоевским, прежде всего по историософским вопросам. Вопрос о судьбе России, ее отношении к Западу рассматривается Айхенвальдом по тому же алгоритму, что и в спровоцировавшей это рассмотрение статье Т. Масарика – сквозь призму Достоевского и в споре с ним. Доказывается, что при этом Айхенвальд нацелен не на интерпретацию или анализ идей Т. Масарика, а на опровержение воззрений евразийцев, что именно идеи евразийцев являются тем философским контекстом, на фоне которого разворачивается его спор с Достоевским. Опровергая воззрения Достоевского на Европу и обосновывая собственное историософское воззрение на весь мир как на единую Европу, Айхенвальд в итоге приходит к парадоксу, когда Достоевский, будучи «отрицателем Европы», становится той «межкультурной скрепой», которая еще теснее связывает Европу с Россией. Таким образом, творчество Достоевского оказывается для Айхенвальда отправной точкой для презентации собственных историософских представлений, что сближает его как с русскими интерпретаторами эпохи Серебряного века (В.В. Вересаев), так и с европейской философско-политической традицией (Т. Масарик).

Ключевые слова: Федор Достоевский, Юлий Айхенвальд, историософия, Россия, Европа, евразийство, революция

Для цитирования: Тахо-Годи Е.А. Россия и Европа: Юлий Айхенвальд об историософии Ф.М. Достоевского // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 123–135.

* Исследование выполнено в 2021 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке РФФ, проект № 17-18-01432-П «Русская литература и философия: пути взаимодействия».

Введение.**Достоевский в восприятии Юлия Айхенвальда:
эволюция отношения**

Юлий Исаевич Айхенвальд (1872–1928) получил профессиональное философское образование в стенах Новороссийского университета. После недолгой работы в конце 1890-х гг. в редакции журнала «Вопросы философии и психологии», он обратился к литературной критике. Хотя Айхенвальд продолжал всю жизнь заниматься философией, прежде всего изданием собрания сочинений А. Шопенгауэра, он практически еженедельно публиковал в прессе на протяжении почти тридцати лет свои литературно-критические статьи и заслужил себе известность именно на этом поприще.

Как литературный критик Айхенвальд был чужд культа Достоевского¹. Недаром в книге «Силуэты русских писателей» он выстроил характеристику Достоевского как явного антипода Пушкина, своего главного литературного кумира². Противопоставляя Достоевского пушкинскому эталону гармонического отношения к миру, Айхенвальд видел в его творчестве не просто, как Н.К. Михайловский, «жестокий талант», не только «лицетворенную боль», «черное солнце страдания», но «злое дарование», «писателя-дьявола»³, страдающего и заставляющего мучиться читателей.

Отношение к Достоевскому базировалось у Айхенвальда не только на личных или чисто литературных основаниях. В первом издании «Силуэты русских писателей» Айхенвальд выразит это уже с предельной ясностью: Достоевский не просто писатель, которому доступны глубокие мистерии человеческого духа, он – «живая Божественная Комедия», вот почему «каждая душа должна переболеть Достоевским и, если можно, его преодолеть», потому что каждый должен проделать эту трудную подвижническую работу – изжить в своей душе Ад, самую страшную из частей этой «Божественной Комедии»⁴.

В 1921 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения Достоевского, Айхенвальд вновь предлагал отказаться от Достоевского и преодолеть его, исходя не из социально-политической конъюнктуры, как казалось современникам, но развивая намеченную еще в 1908 г. философско-психологическую и религиозно-этическую линию – от «ада» и «дисгармонии» Достоевского к «раю» пушкинского и толстовского мирового «синтеза»: «...он [Достоевский] – трагическая категория духа, которой миновать нельзя и которая в большей или меньшей степени обязательна для каждого. Чрез

¹ Подробнее об отношении Айхенвальда к Достоевскому см.: *Тахо-Годи Е.А.* Юлий Айхенвальд в философских раздумьях о Достоевском, революции и путях русской литературы // *Достоевский: Материалы и исследования*. Вып. 23. СПб., 2021. С. 485–507.

² См.: *Тахо-Годи Е.А.* Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда // *Проблемы исторической поэтики*. 2020. Т. 18. № 3. С. 171–189; *Takho-Godi E.A.* Yuly Aykhenvald: In Search of Aesthetic and Historiosophical Harmony // *Studies in East European Thought*. 2020. Vol. 72. Issue 3–4: A Symbiosis of Russian Literature and Philosophy. P. 313–331.

³ *Айхенвальд Ю.И.* Достоевский // *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей: в 3 вып. Вып. 2. 3-е изд. М., 1913. С. 128.

⁴ *Айхенвальд Ю.И.* Достоевский // *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей: в 3 вып. Вып. 2. 2-е изд. М., 1908. С. 108.

Достоевского, но к Пушкину, к Толстому – такова магистраль духовного пути, который проложила русская литература для русского читателя»⁵.

В русской модернистской критике Айхенвальд с его неприятием Достоевского, с желанием Достоевского «преодолеть», конечно, не был исключен⁶. При этом пафос, с которым Айхенвальд призывал вернуться от Достоевского назад, к Льву Толстому, к Пушкину, заставляет вспомнить не столько о трактате «Л. Толстой и Достоевский» Д.С. Мережковского, но о менее известной книге 1910 г. «О Достоевском и Льве Толстом» В. Вересаева, противопоставлявшего мертвый мир христианина Достоевского тому пиршеству «живой жизни», на которое так щедро кисть Толстого-художника.

Оказавшись после высылки в 1922 г. на «философском пароходе» в эмиграции, в Берлине, Айхенвальд 1923 г. вновь вернется к Достоевскому в наиболее насущном для эпохи ракурсе: включит в цикл статей «Революция и литература» рецензию на книгу Б.П. Вышеславцева «Русская стихия у Достоевского» под названием «Достоевский и русская революция»⁷. С одной стороны, критик считал Достоевского «сопричастником» революционного безумия. С другой стороны, Айхенвальд вполне в духе своего времени акцентировал в текстах Достоевского пронизательный «психоанализ революционной России»⁸, той революции, с которой Достоевский активно боролся⁹. В русской революции Айхенвальд видел пародию на те идеалы свободы, которые лелеял Достоевский, за которые он был отправлен на каторгу, и одновременно пародию на все «великие, заветные, свято чтимые идеи» и «те верования, которыми жила душа русской литературы, которые составляли пафос русских духовных вождей, – между ними и самого Достоевского»¹⁰. Именно в противостоянии революции Достоевский в глазах Айхенвальда оказывается одним из «духовных вождей» мыслящей России, тем великим русским писателем, который достоин стать рядом с Пушкиным. Для Айхенвальда Достоевский не перестает быть «чуждым» автором, но он вполне осознает, что этого писателя нельзя просто «миновать» или просто «преодолеть». Это, однако, не мешает критику оспаривать Достоевского и его взгляд на мир, в том числе на историческую судьбу России.

⁵ Айхенвальд Ю.И. Памяти Достоевского // Новая жизнь. 1922. № 1. С. 13. Статья републикована мною, см.: Тахо-Годи Е.А. Юлий Айхенвальд в философских раздумьях о Достоевском, революции и путях русской литературы. С. 496–503.

⁶ См.: Герасимов Ю.К. Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 1: М. Горький // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 15. СПб., 2000. С. 27–43; Он же. Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 2: Д.С. Мережковский // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 16. СПб., 2001. С. 272–287; Ронен О. Тезисы против Ф.М. Достоевского в словесности русского модернизма // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации: К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского. М., 2012. С. 304–313.

⁷ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Достоевский и русская революция (Революция и литература). II // Сегодня. 1923. № 107 (24 мая). С. 2–3.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Об отношении Айхенвальда к революции см.: Кочергина И.В. К вопросу об оценке русской революции в критике и публицистике Ю.И. Айхенвальда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77). Ч. 3. С. 25–30.

¹⁰ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Достоевский и русская революция. С. 3.

Спор с Достоевским о судьбе России: предыстория возникновения

В 1927 г. в немецком журнале «Nord und Süd»¹¹ была напечатана статья президента Чехословакии Томаша Масарика «Достоевский и Европа». Одной из политических идей Масарика «была идея о Чехословакии как мосте между Западом и Востоком, между Германией и Россией»¹². Эта идея заставляла чешского мыслителя особенно внимательно всматриваться в Достоевского и его отношение к Европе. «Без Достоевского, без его концепции Масарику едва ли удалось бы воспроизвести противостояние западников и славянофилов, споры вокруг проблем революции, либерализма и консерватизма»¹³.

В предисловии к книге «Европа и Россия», впервые увидевшей свет в Германии в 1913 г., Масарик объяснял, почему «задумал изложить свои мысли о России, собственно, о русской революции, через подробный “анализ Достоевского”»¹⁴. Для Масарика «Достоевский – крупнейший русский социальный философ», по произведениям которого иностранец лучше всего может узнать Россию: «Хороших и ценных книг о России, безусловно, немало; европеец может судить по ним об отдельных установлениях и о России в целом, о русской истории, о правящих классах и царском дворе, о революции и т.п.; существует множество историко-литературных исследований, в последнее время ширится экономическая литература и т.д., – но все это предлагает нам частности и целое как мертвую схему; в Достоевском мы имеем целостную и живую Россию»¹⁵. А узнать Россию Масарик считает необходимым потому, что рассматривает «русский вопрос <...> как всемирный вопрос философии истории»¹⁶. И именно в Достоевском он видит «хорошего проводника» в «лабиринте проблем»¹⁷. Развитием этих идей была и публикация Масарика в первом номере журнала «Nord und Süd».

Айхенвальд достаточно оперативно откликнулся на публикацию Масарика. Сначала его более лаконичный отклик появился в июле 1927 г. в рижской газете «Сегодня». Позднее, в сентябре того же 1927 г., в русской эмигрантской газете «Руль», печатавшейся в Берлине, вышел более развернутый вариант статьи в рубрике «Литературные заметки», которую в этой газете Айхенвальд вел постоянно. Однако, как он признавался в первом же абзаце своей статьи, публикация Масарика о Достоевском для него была только поводом к выражению собственной точки зрения – не даром идеи Масарика он не излагает и их не анализирует. В статье Масарика для русского читателя критик не находит «что-нибудь новое или значительное» [с. 2]¹⁸. Зато сам факт публикации дает Айхенвальду основание в свою очередь обратиться к вопросу об отношении России и Европы – причем аналогичным Масарику образом: сквозь восприятие этих отношений Достоевским и спора с Достоевским.

¹¹ Masaryk Th.G. Dostojewski und Europa // Nord und Süd. 1927 (Jg. 50). No. 1. S. 8–11.

¹² Бубеникова М. Достоевский в Чехии // Достоевский и XX век. Т. 2. М., 2007. С. 364.

¹³ Каутман Фр. Борьба Масарика с Достоевским // Русская литература. 2001. № 1. С. 229.

¹⁴ Масарик Т.Г. Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. Т. III. Кн. III. Ч. 2–3. СПб., 2003. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 5–6.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1927. № 2077 (28 сентября). С. 2–3. Здесь и далее страницы указываются в тексте в квадратных скобках.

Борьба с евразийством как историософский контекст спора с Достоевским

Айхенвальд не скрывает, что вопрос об отношении России и Европы для него особенно актуален, прежде всего потому, что эта старая тема теперь освежена «струей современного евразийства» [с. 2], совсем недавно народившегося. Правда, в «Литературных заметках» 1927 г., посвященных Достоевскому, Айхенвальд ограничивается только этим мимолетным упоминанием о евразийстве. Однако борьба с евразийством для него в 1920-е гг. – одна из наиболее злободневных тем, которой он посвятил немало сил.

Призывы ведущих идеологов евразийства – Николая Трубецкого и Петра Сувчинского – отказаться от «слепого западничества», выдвигаемый Яковым Садовским тезис о том, что «Европа потеряла свое духовное верховенство над миром», что русские должны «совершить “исход к Востоку”», чтобы «вернуться и к самим себе», представлялись Айхенвальду лишь «запоздалым отголоском славянофильства»¹⁹. В отличие от Петра Савицкого, противопоставлявшего евразийство и большевизм, Айхенвальд видел в Ленине «евразийца до евразийства», а в большевизме – чудовищную евразийскую смесь марксизма (Запада) и пугачевщины (Азии)²⁰. «В недооценке, а не в переоценке Европы, в отвержении истинного европеизма состояла наша роковая ошибка»²¹, – писал Айхенвальд в статье, посвященной воззрениям К.С. Аксакова и приуроченной к 200-летию кончины Петра Великого. Он был убежден: «Окном в Европу мы воспользовались недостаточно. Вопреки эпигонам славянофильства мы не много, а мало были европейцами. <...> Надо было Москву охранять Петербургом, Россию – Европой; тогда не проникла бы к нам проказа “азиатского социализма”»²². Айхенвальд был уверен, что русская культура только тогда обретала свое «равновесие», когда в ней «сплетались в одну законченную и завершенную систему» все «элементы Востока и Запада»²³. Он видел беду России в том, «что в ней было слишком мало Европы, Запада и слишком много Востока»²⁴. Главная цель в послепетровское время, с точки зрения Айхенвальда, заключалась в том, чтобы во всех сферах русской жизни «найти равнодействующую этих двух сил, Востока и Запада, родины и чужбины, близости и дали, и не потерять на общечеловеческом лице “необщего выражения” своей народности»²⁵. В противовес Петру Савицкому, призывавшему духовно переселиться из Европы на Восток, Айхенвальд выдвигал парадоксальные тезисы о том, что «весь мир – Европа», что «Европа потенциально была в истории уже и тогда, когда реально ее еще не было», что только через Европу «проходит магистраль исторического движения»²⁶. Еще в 1921 г., отрицая идею

¹⁹ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Евразийский временник. Книга третья. Берлин, 1923 г. // Сегодня. 1924. № 10 (12 января). С. 5.

²⁰ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Около Евразии // Руль. 1925. № 1310 (25 марта). С. 2.

²¹ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Литературные заметки // Руль. 1925. № 1268 (4 февраля). С. 2.

²² Там же.

²³ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Россия без Пушкина // Руль. 1924. № 1067 (8 июня). С. 4.

²⁴ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Около Евразии. С. 2.

²⁵ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Россия без Пушкина. С. 4.

²⁶ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Около Евразии. С. 2.

Освальда Шпенглера о «закате Европы», Айхенвальд писал, что «европейская культура, как некая категория, вообще погибнуть не может: она может только передвинуть центр своей тяжести в другую часть мира; но это-то и показывает, что весь мир – Европа»²⁷. В 1925 г., развивая ту же мысль, он с вызовом утверждал: «Европа может переместиться в Америку, в Японию; но с духовной карты мира она стерта быть не может», потому что «европеизм – неистребимое начало общечеловеческого бытия»²⁸. Вот почему «погребение Европы, и – особенно руками евразийцев»²⁹ представлялось ему преждевременным.

Эту историософскую позицию критика обязательно необходимо учитывать, говоря об айхенвальдовской оценке взглядов Достоевского на отношения России и Европы.

Парадокс Достоевского: «отрицатель Европы» и «межкультурная скрепа»

В начале своей статьи о Достоевском 1927 г. Айхенвальд напоминает об «общеизвестных истинах», о том, что «Европа рисовалась Достоевскому в двойственном свете: и как “страна святых чудес” <...>, и как область религиозного упадка, духовное мещанство и оцепенение» [с. 2]. Однако «гораздо существеннее» ему представляется то, что Достоевский ныне уличен историей «в глубокой непроницательности» [с. 2]. Исторические катаклизмы в России, происшедшие в 1917 г., наглядно продемонстрировали, что ошибка Достоевского заключалась в том, что, «противопоставляя Россию Европе и предсказывая им противоположные судьбы», «он Западу предрекал атеизм, а России – религиозность» [с. 2]. На деле же оказалось, что в 1920-е гг. «Запад от Бога не отрекся», а вот Россия «на красном знамени своем написала безбожие» [с. 2]. Айхенвальд не соглашается с теми, кто считает, что это лишь «мнимость», что «Европа – лишь формальная христианка», а Россия «внутренне от Бога не отходила» [с. 2]. Он ссылается на книжку Л.Д. Троцкого «Куда идет Англия?» (1925), акцентируя внимание на том, что Л.Д. Троцкий как раз хвалится, что Советы провозгласили безбожие «своей правительственной доктриной» [с. 2]. «Итак, Россия, на которую так уповал христианин Достоевский, воздвигла гонения на христианство», а «Европа – нет» [с. 2].

При этом, если власть большевиков «сумела беспрепятственно дехристианизировать страну», предав смертной казни столько священнослужителей – «начиная от митрополитов и епископов и кончая скромными деревенскими батюшками, если большевики могли опустошить церкви, надругаться над мощами, осквернить народные святыни», значит, не было настоящего «отпора в самой душе населения», ибо «подлинная религиозность» не уступила бы «одному штыку и одной пуле чекиста» [с. 2]. То, что большевики не смогли все-таки одержать полную победу над верой, нельзя объяснять «какими-нибудь особыми свойствами русской души в противоположность

²⁷ Айхенвальд Ю.И. [Рец.:] Искусство старое и новое. Сборник под редакцией Конст. Эрберга. «Алконост». Петербург, 1921 // Культура театра. 1921. № 7–8. С. 79.

²⁸ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Около Евразии. С. 2.

²⁹ Там же. С. 3.

европейской» [с. 2], как это делал Достоевский. И Тютчев, и Достоевский верили, что Россия «все-таки устоит» перед революцией, открестится от нее, как от дьявола, крестом, «тогда как атеистическая и еретическая Европа рухнет в судорогах революционного землетрясения» [с. 2]. Однако и в этом Достоевский, как и Тютчев, ошибся: Россия впустила в свое сердце, в древний Кремль, вождей революции и «хулителей божественного начала» [с. 2].

По свидетельству С.Л. Франка, Айхенвальд считал самого себя человеком, лишенным способности глубоко верить («Он сам однажды выразил, в устной беседе со мной, свое верующее неверие, в парадоксальной формуле: “Бог не дал мне таланта веры”»³⁰) и «подобно Ивану Карамазову, <...> мог сказать, что принимает Бога, но не принимает Божьего мира»³¹. Тем не менее Айхенвальд был убежден, что «религиозность вообще неискоренима» в любом человеке, что она имеет корни в самой природе, что религиозность – естественное свойство живой души, и как бы ни боролись большевики с природой и религией, рано или поздно здравый смысл и природа восстановят «свои погрязшие права» [с. 2].

Отношение Айхенвальда к религиозности Достоевского не лишено противоречивости. То он видит в нем исключительно «злого» писателя, «атеиста», «колдуна», «дьявола», «антихриста», то возникает совсем иной Достоевский – «Достоевский-Зосима» (именно так Айхенвальд именуется Достоевского в 1908 г. в первом издании «Силуэтов русских писателей», правда, в дальнейшем он расподобит автора и его героя), старец-подвижник, открытый для веры, прозревший путь человеческого спасения в общении и собеседовании с Богом. В годы революционного лихолетья, отделения Церкви от государства, в книге публицистических статей «Наша революция: ее вожди и ведомые», вышедшей в свет в самом начале 1918 г., пытаясь в русской литературе найти тот спасательный круг, который поможет духовно слабой личности устоять в вере в Бога, Айхенвальд вспомнил о Достоевском, приведя обширную автоцитату из своего очерка о романисте из «Силуэтов русских писателей»: «И еще об одном русском писателе упомянем – о Достоевском. Он так понимал Бога, что Бог для людей, это, прежде всего, – великий собеседник. Все заняты, все спешат, всякому некогда, – но вот есть в мире Существо, у которого найдется для всех время и внимание и которому каждая “верующая баба”³² и каждый поденщик на земле может поведать свое горе и обиду, принести свои слезы и всё рассказать. Никто не хочет слушать, а Бог всякого слушает, и уже в этом одном – великая помощь с Его стороны и благодеяние. Среди равнодушия, в одиночестве, когда душа чувствует себя сиротой, какое счастье сознавать, что есть безмолвный всеобщий Собеседник, который никогда не устаёт слушать, никому не отказывает в разговоре и который столько уже исповедей и скорбей выслушал на своем долгом веку и столько знает!...»³³. Но раз «Бог-Слушатель, Бог-Собеседник <...> понимает все языки, принимает все молитвы, присутствует во всяком храме», то невозможна, по мнению Айхенвальда, никакая религиозная ксенофобия или узконациональная религиозность, ибо «если мы

³⁰ Франк С.Л. Памяти Ю.И. Айхенвальда // Путь. 1929. № 15. С. 126.

³¹ Там же.

³² Ср. название главы «Верующие бабы» во второй книге (Часть I) «Братьев Карамазовых» Достоевского.

³³ Айхенвальд Ю.И. Наша революция: ее вожди и ведомые. М., 1918. С. 102.

хотим угодить Ему [Богу], мы должны людей чужой веры не теснить, не гнать, а видеть в них свободных и полноправных участников той священной беседы, какую от начала мира и до нынешнего дня ведет единое человечество со своим единым Богом...»³⁴.

Если в чем и прав был Достоевский, с точки зрения критика, так в том, что «предвидел, какой урон <...> потерпит Россия от полу-знания, от полу-образованности, от полу-Европы» [с. 2]. Потому-то он и клеймил угодничавших «перед европейской умственной модой» «русских “либералишек”», поверхностно перенимавших «столетиями взлелеянные навыки и предания европеизма» [с. 2]. Однако и тут великий писатель провидел не все до конца: он «не хотел понять, что если полу-Европа, это – зло, то Европа, это – благо» [с. 2]. Айхенвальд вновь повторяет свою излюбленную мысль: несчастье России заключалось не в том, «что она подражала Европе, а в том, что она была недостаточно Европой», что Россия, «европейской культуры отдававшая», «сознательно и бессознательно», и в политике, и в философской мысли вела непрестанную «борьбу с Западом» [с. 2], борьбу, поддерживаемую и славянофилами, и почвенником Достоевским. В этом еще одна ошибка Достоевского, потому что «половинчатой и нецельной, колеблющейся между Востоком и Западом», России надо было «не бороться с Западом, а разумно и органически общаться с ним» [с. 2]. Такое общение вовсе не предполагало отказа «от собственной физиономии, от духовной самобытности», потому что самобытность «всегда сама сказывается» и «за нею не нужно искусственно ухаживать» [с. 2].

Айхенвальд удивляется, как Достоевский, «вопреки своему психологизму, не вникал в самые недра европейской души», хотя «по несколько раз и подолгу живал <...> в Европе» [с. 2]. То, что «его непосредственные впечатления от нее были случайны», «суждения о ней были непроницательны», Айхенвальд объясняет вообще свойственным писателю равнодушным или враждебным отношением ко всем «другим народностям, кроме русского народа» [с. 2]. В этом он ощущает противоречие и парадокс: «поборник “всечеловечества”» чужд «общечеловеческой семье», не может патриотизм совместить с «благородным космополитизмом» [с. 2]. Достоевский только теоретически видит в русском народе «объединителя национальностей», «насадителя мира всего мира», «носителя вселенской гармонии» [с. 2], «одушевленный синтез», или по терминологии немецкого философа Рудольфа Гольцапфеля «панидеал», где сливаются «все частные идеалы всех отдельных народов» [с. 3]. А на практике руководствуется «казенным патриотизмом» [с. 3]. И в этом тоже просчет Достоевского-пророка и провидца: в его стране теперь господствует вместо «благородного космополитизма», где «нет эллина и нет иудея», плоский интернационализм, который саму Россию смог «стереть с географической карты», а народ-богоносец, ставившийся Достоевским «во главу угла и в центре человечества», теперь, по злой иронии истории, превратился в «вождя народов» [с. 3], предводительствуемого большевиками. «История позволила себе насмешку над нашим гениальным писателем, пародию на его убеждения и упования, зло подшутила над его пророчествами, обратила их в трагический фарс, в какой-то злополучный шарж» [с. 3]. Айхенвальд не говорит прямо о причине этого, но он совершенно неслучайно завершает свои раздумья о Достоевском, России

³⁴ Там же.

и Европе цитатой из соотечественника и собеседника Т. Масарика, из интервью К. Чапека. Айхенвальду чрезвычайно симпатична идея К. Чапека о том, что любовь к людям важнее национальной или социальной принадлежности, что «с несчастьями надо бороться не столько социально, сколько морально», что «оружие сердца» [с. 3], сострадательная сентиментальность превыше любых идеологем и партийных убеждений. Как очевидно, отсутствие любви к «общечеловеческой семье», «узость» национальных и историсофских убеждений приводит, по мысли Айхенвальда, Достоевского к неверным прогнозам и хода мировой истории, и судьбы России.

В книге «Наша революция: ее вожди и ведомые» Айхенвальд писал о том, что «большевики, эти актеры дьявольского спектакля», «превратили Россию в трагическую и зловещую карикатуру» – «к ужасу друзей и на радость врагам», в первую очередь на радость дьявола, который «любит, когда для его развлечения ему устраивают “дьяволов водевиль”»³⁵. Если бы Достоевский, побывавший за увлечение революционными идеями на Семеновском плацу в ожидании казни, стал свидетелем разыгравшегося в России «дьявола водевиля», то ему ничего другого не оставалось бы, как «сокрушенно поникнуть перед Западом повинной головой» [с. 2]. С точки зрения Айхенвальда, сама революция стала возможна в России из-за поражения в Первой мировой войне, когда открылся простор именно для «стихии Достоевского»: «Народ не может простить себе поражения. В его душе – позор и отчаяние, стыд за себя, за свое падение, ноющая боль и болезненное желание эту боль усилить, рану растравить (стихия Достоевского), напускной цинизм и притворная веселость, пир во время чумы, сознание беззаконья своего, внутренняя апатия и безразличие, бесстыдное самоунижение, презрение к себе и к другим, и ощущение безвыходности, когда остается только махнуть рукой на себя и на людей, и на Бога, предаться всякому безудержу и очертить себя кругом нравственной пустоты»³⁶. Такой взгляд на русскую историю дает Айхенвальду как бы дополнительное основание видеть в Достоевском «пророка русской революции», «проникновенного колдуна, который России революцию наворожил»³⁷. Его «ясновидение и предчувствия» поражают тех, кто живет в кошмарном сне революции, исполнившемся наяву. По мнению критика, для Достоевского как для «живописца катастроф», «изобразителя и сопричастника безумия», «пловца страшных человеческих глубин», и сама революция «к лицу», и сам он – «к лицу революции»³⁸. Об этом Айхенвальд писал и в 1921 г. в своем «Особом мнении. К 100-летию рождения Ф.М. Достоевского», и в мае 1923 г. в статье «Достоевский и русская революция». Вот почему в Достоевском как авторе «Бесов» критик видел «одушевленный эпиграф»³⁹ к русской революции.

В то же время Айхенвальд полагал, что для Достоевского «революция была вообще категорией психологической, обязательной стихией сердца», потому что писатель рассматривал человека как «дитя хаоса», «наследника

³⁵ Там же. С. 51–52.

³⁶ Там же. С. 45.

³⁷ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Достоевский и русская революция. С. 2.

³⁸ Там же.

³⁹ Айхенвальд Ю.И. Особое мнение. К 100-летию рождения Ф.М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10 (34). С. 1. Републиковано мною, см.: Тахо-Годи Е.А. Юлий Айхенвальд в философских раздумьях о Достоевском, революции и путях русской литературы. С. 494–496.

первичного, изжитого и во веки неизживаемого беспорядка»⁴⁰. «Глаза его [Достоевского], зоркие во мгле, всегда были напряженно раскрыты на роковую незаконченность, на кромольность и взволнованность бунтующего духа»⁴¹. Достоевский всегда был занят этими адскими, «темными корнями» духа – его притягивали безудержность, безумие, страсти и хаотичность. Но и тут, по мнению критика, «гениальный психолог» несколько ошибался: он патриотично приписывал все это исключительно русской стихии и русской натуре, упуская из вида, что «в этой противоречивости духа» – «примета в с е й человеческой организации»⁴². И вот именно в такой особенности человеческой психики таится, по Айхенвальду, причина и корни особой популярности Достоевского во всем «образованном мире». Именно поэтому над страницами Достоевского исчезают мировые границы, Запад и Россия оказываются рядом, и «как в некое зеркало глядится в него, зеркало жуткое и неумолимое, человек разных широт и культур»⁴³.

Так, по мысли Айхенвальда, вольно или невольно Достоевский оказался межкультурной скрепой, достоянием той «общечеловеческой семьи», которую он сам историсофски чаял, а практически недооценивал.

Итоги

Отношение Айхенвальда к Достоевскому вряд ли можно описать формулой «*odi et amo*». Не будучи поклонником писателя и тем более его апологетом, Айхенвальд сквозь призму Достоевского пытался понять и интерпретировать происходящие исторические события – и революционного лихолетья, и наиболее актуального для русских эмигрантов вопроса о судьбе России, вбирающего в себя вопросы об отношении России и Запада, России и Востока, вопроса, спровоцировавшего появление в начале 1920-х гг. «евразийства». Раздумья Достоевского над этими проблемами оказываются для Айхенвальда отправной точкой для презентации собственных историсофских представлений, а не только материалом для литературной или эстетической критики. В этом плане Айхенвальд и в эмиграции продолжает традиции русской философской критики Серебряного века, когда литературный текст или воззрения писателя становились скорее поводом для декларации собственной философской позиции, а не материалом исключительно для герменевтического прочтения. Вместе с тем подход Айхенвальда к Достоевскому и спор с ним неожиданно оказывается близок не только русским интерпретаторам творчества писателя Серебряного века (В. Вересаев), но – в определенной степени – и европейской философско-политической традиции (Т. Масарик).

⁴⁰ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Достоевский и русская революция. С. 2.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

Список литературы

- Айхенвальд Ю.И. Достоевский // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей: в 3 вып. Вып. 2. 2-е изд. М.: Научное слово, 1908. С. 90–108.
- Айхенвальд Ю.И. Достоевский // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей: в 3 вып. Вып. 2. 3-е изд. М.: Научное слово, 1913. С. 119–137.
- Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1927. № 2077 (28 сентября). С. 2–3.
- Айхенвальд Ю.И. Наша революция: ее вожди и ведомые. М.: Революция и культура, 1918. 110 с.
- Айхенвальд Ю.И. Особое мнение. К 100-летию рождения Ф.М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10 (34). С. 1–2.
- Айхенвальд Ю.И. Памяти Достоевского // Новая жизнь. 1922. № 1. С. 10–13.
- Айхенвальд Ю.И. [Рец.:] Искусство старое и новое. Сборник под редакцией Конст. Эрберга. «Алконост». Петербург, 1921 // Культура театра. 1921. № 7–8. С. 77–81.
- Бубеникова М. Достоевский в Чехии // Достоевский и XX век / Под ред. Т.А. Касаткиной. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 360–412.
- Герасимов Ю.К. Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 1: М. Горький // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 15. СПб.: Наука, 2000. С. 27–43.
- Герасимов Ю.К. Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 2: Д.С. Мережковский // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 16. СПб.: Наука, 2001. С. 272–287.
- Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Достоевский и русская революция (Революция и литература). II // Сегодня. 1923. № 107 (24 мая). С. 2–3.
- Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Евразийский временник. Книга третья. Берлин, 1923 г. // Сегодня. 1924. № 10 (12 января). С. 5.
- Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Литературные заметки // Руль. 1925. № 1268 (4 февраля). С. 2–3.
- Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Около Евразии // Руль. 1925. № 1310 (25 марта). С. 2–3.
- Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Россия без Пушкина // Руль. 1924. № 1067 (8 июня). С. 4–5.
- Каутман Фр. Борьба Масарика с Достоевским // Русская литература. 2001. № 1. С. 222–230.
- Кочергина И.В. К вопросу об оценке русской революции в критике и публицистике Ю.И. Айхенвальда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77). Ч. 3. С. 25–30.
- Масарик Т.Г. Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. Т. III. Кн. III. Ч. 2–3. СПб.: РХГИ, 2003. 576 с.
- Ронен О. Тезисы против Ф.М. Достоевского в словесности русского модернизма // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации: К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2012. С. 304–313.
- Тахо-Годи Е.А. Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 171–189.
- Тахо-Годи Е.А. Юлий Айхенвальд в философских раздумьях о Достоевском, революции и путях русской литературы // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 23. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 485–507.
- Франк С.Л. Памяти Ю.И. Айхенвальда // Путь. 1929. № 15. С. 125–126.
- Masaryk Th.G. Dostojevski und Europa // Nord und Süd. 1927 (Jg. 50). No. 1. S. 8–11.
- Takho-Godi E.A. Yuly Aykhenvald: In Search of Aesthetic and Historiosophical Harmony // Studies in East European Thought. 2020. Vol. 72. Issue 3–4: A Symbiosis of Russian Literature and Philosophy / Ed. by E.A. Takho-Godi. P. 313–331.

Russia and Europe: Yuly Aykhenvald on Fyodor Dostoevsky's historiosophy*

Elena A. Takho-Godi

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation; e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

The paper discusses the perception of Fyodor Dostoevsky's work by Yuly Aykhenvald (1872–1928), a famous literary critic of the first quarter of the twentieth century. It shows that Aykhenvald's attitude toward Dostoevsky had undergone a certain evolution from a rejection via demands to "overcome" him to his recognition as one of the "spiritual leaders" of the thinking Russia alongside Pushkin and Leo Tolstoy. Yet Aykhenvald still had some controversy with Dostoevsky, above all over philosophy of history. The question of Russia's destiny and its relation to the West is addressed by Aykhenvald following the same algorithm that is used in the article by Thomas G. Masaryk (to which Aykhenvald was reacting), namely through the prism of and in dispute with Dostoevsky. The paper proves that Aykhenvald focuses not on interpreting or analyzing Masaryk's ideas, but on refuting the views of the Eurasianists and that Eurasian ideas are the very philosophical context that serves as a background for his argument with Dostoevsky. In refuting Dostoevsky's views on Europe and justifying his own historiosophic view of the entire world as a unified Europe, Aykhenvald eventually comes to the paradox that Dostoevsky, being the "denier of Europe", is the "intercultural cross-link" that ties Europe and Russia even more closely together. In this way, Dostoevsky's work turns out to be a starting point for Aykhenvald's own historiosophic framework, which brings him closer to both Russian interpreters of the Silver Age (Vikentii V. Veresaev) and the European philosophical and political tradition (Thomas G. Masaryk).

Keywords: Fedor Dostoevsky, Yuly Aykhenvald, historiosophy, Russia, Europe, eurasianism, revolution

For citation: Takho-Godi, E.A. "Rossiia i Evropa: Yuly Aykhenvald ob istoriosofii F.M. Dostoevskogo" [Russia and Europe: Yuly Aykhenvald on Fyodor Dostoevsky's historiosophy], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 123–135. (In Russian)

References

- Aykhenvald, Yu.I. "Dostoevsky", in: Yu.I. Aykhenvald, *Silueti russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian writers], Vol. 2, 2nd ed. Moscow: Nauchnoe slovo Publ., 1908, pp. 90–108. (In Russian)
- Aykhenvald, Yu.I. "Dostoevsky", in: Yu.I. Aykhenvald, *Silueti russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian writers], Vol. 2, 3rd ed. Moscow: Nauchnoe slovo Publ., 1913, pp. 119–137. (In Russian)
- Aykhenvald, Yu.I. "Literaturnye zametki" [Literary notes], *Rul'*, 1927, No. 2077 (28 September), pp. 2–3. (In Russian)
- Aykhenvald, Yu.I. *Nasha revoliutsiia: ee vozhdii i vedomye* [Our Revolution: its leaders and followers]. Moscow: Revoliutsiia i kul'tura Publ., 1918. 110 pp. (In Russian)
- Aykhenvald, Yu.I. "Osoboe mnenie. K 100-letiiu rozhdeniia F.M. Dostoevskogo" [Dissenting opinion. On the 100th anniversary of Dostoevsky's birth], *Vestnik literatury*, 1921, No. 10 (34), pp. 1–2. (In Russian)

* The research was carried out in 2021 at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF), project № 17-18-01452-II «Russian literature and philosophy: ways of interaction».

- Aykhenvald, Yu.I. "Pamiati Dostoevskogo" [In memory of Dostoevsky], *Novaiia zhizn'*, 1922, No. 1, pp. 10–13. (In Russian)
- Aykhenvald, Yu.I. "[Review:] Iskustvo staroe i novoe. Sbornik pod redaktsiei Konst. Erberga. 'Alkonost'. Peterburg, 1921" [Art old and new. Collection edited by Konst. Erberg. 'Alkonost'. Petersburg, 1921], *Kul'tura teatra*, 1921, No. 7–8, pp. 77–81. (In Russian)
- Bubenikova, M. "Dostoevskii v Chekhii" [Dostoevsky in the Czech Republic], *Dostoevskii i XX vek* [Dostoevsky and the 20th Century], Vol. 2, ed. by T.A. Kasatkina, Moscow: IMLI RAN Publ., 2007, pp. 360–412. (In Russian)
- Frank, S.L. "Pamiati Yu.I. Aykhenvalda" [In memory of Yu.I. Aykhenvald], *Put'*, 1929, No. 15, pp. 125–126. (In Russian)
- Gerasimov, Yu.K. "Soiuzniki po 'preodoleniiu Dostoevskogo': M. Gor'kii i D. Merezhkovskii. Stat'ia 1: M. Gor'kii" [The allies in the idea of 'overcoming Dostoevsky': M. Gorky and D. Merezhkovsky, Part 1: M. Gorky], *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and researches], Vol. 15. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000, pp. 27–43. (In Russian)
- Gerasimov, Yu.K. "Soiuzniki po 'preodoleniiu Dostoevskogo': M. Gor'kii i D. Merezhkovskii. Stat'ia 2: D.S. Merezhkovskii" [The allies in the idea of 'overcoming Dostoevsky': M. Gorky and D. Merezhkovsky, Part 2: D.S. Merezhkovsky], *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and researches], Vol. 16. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001, pp. 272–287. (In Russian)
- Kamenetskii, B. [Aykhenvald, Yu.I.] "Dostoevskii i russkaia revoliutsiia (Revoliutsiia i literatura), II" [Dostoevsky and the Russian Revolution, II (Revolution and literature)], *Segodnia*, 1923, No. 107 (24 Mai), pp. 2–3. (In Russian)
- Kamenetskii, B. [Aykhenvald, Yu.I.] "Evraziiskii vremennik. Kniga tret'ia. Berlin, 1923" [Eurasian bulletin. Book three. Berlin, 1923], *Segodnia*, 1924, No. 10 (12 January), p. 5. (In Russian)
- Kamenetskii, B. [Aykhenvald, Yu.I.] "Literaturnye zametki" [Literary notes], *Rul'*, 1925, No. 1268 (4 February), pp. 2–3. (In Russian)
- Kamenetskii, B. [Aykhenvald, Yu.I.] "Okolo Evrazii" [Near Eurasia], *Rul'*, 1925, No. 1310 (25 March), pp. 2–3. (In Russian)
- Kamenetskii, B. [Aykhenvald, Yu.I.] "Rossiia bez Pushkina" [Russia without Pushkin], *Rul'*, 1924, No. 1067 (8 June), pp. 4–5. (In Russian)
- Kautman, Fr. "Bor'ba Masarika s Dostoevskim" [Masaryk's Struggle with Dostoevsky], *Russkaia literature*, 2001, No. 1, pp. 222–230. (In Russian)
- Kochergina, I.V. "K voprosu ob otsenke russkoi revoliutsii v kritike i publitsistike Yu.I. Aykhenvalda" [On the question of the attitude to the Russian Revolution in Yu.I. Aykhenvald's criticism and journalism], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, No. 11 (77), Pt. 3, pp. 25–30. (In Russian)
- Masaryk, Th.G. "Dostojewski und Europa", *Nord und Süd*, 1927 (Jg. 50), No. 1, S. 8–11.
- Masaryk, Th.G. *Rossiia i Evropa: Esse o dukhovnykh techeniakh v Rossii* [Russia and Europe: Essays on Spiritual Currents in Russia], Vol. III, Bk. III, Pt. 2–3. St. Petersburg: RKhGI Publ., 2003. 576 pp. (In Russian)
- Ronen, O. "Tezisy protiv F.M. Dostoevskogo v slovesnosti russkogo modernizma" [Certain points against F.M. Dostoevsky in Russian modernism], *F.M. Dostoevskii i kul'tura Serebrianaogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [F.M. Dostoevsky and the Silver Age culture: traditions, interpretations, transformations], ed. by A.A. Takho-Godi and E.A. Takho-Godi. Moscow: Vodolei Publ., 2012, pp. 304–313. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. "Pushkin v filosofsko-esteticheskoi sisteme Yu.I. Aykhenvalda" [Pushkin in Yuly Aykhenvald's Philosophical and Aesthetic System], *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2020, Vol. 18, No. 3, pp. 171–189. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. "Yulii Aykhenvald v filosofskikh razdum'iax o Dostoevskom, revoliutsii i putiakh russkoi literatury" [Yuly Aykhenvald in Philosophical Reflections on Dostoevsky, Revolution and the Ways of Russian Literature], *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and researches], Vol. 23, St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2021, pp. 485–507. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. "Yuly Aykhenvald: In Search of Aesthetic and Historiosophical Harmony", *Studies in East European Thought*, 2020, Vol. 72, Iss. 3–4: A Symbiosis of Russian Literature and Philosophy, ed. by E.A. Takho-Godi, pp. 313–331.